

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Аннотация. В статье представлен обзор показателей социологических региональных исследований, который позволяет получить представления о ценностных и моральных ориентирах провинциальной молодежи. Рассмотрены иерархия ее жизненных ценностей, отношение к семье, религии, закону. В динамике показаны патриотические установки молодых людей. Особое внимание уделено ксенофобии в среде молодежи. Полученные данные массовых опросов молодежи региона позволяют сделать долгосрочный прогноз трансформации будущего портрета регионального жителя. В качестве основных ценностных ориентиров молодого поколения установлен индивидуализм, ориентация на классическую семью с одним ребенком, уважительное отношение к религиозной культуре. Несмотря на общий позитивный контекст данных исследования, отмечается как «позитивная», так и «негативная» толерантность молодежи региона. С одной стороны – она терпимо относится к представителям другой религии, не против мультиконфессиональных браков, проявления ксенофобных установок не превышают 15%, в принципе, ориентирована на соблюдение законов. Но, с другой стороны – легко относится к смене религии и религии в целом, находит оправдания национальной неприязни, извиняет себя за отступление от принятых норм. Внимание к негативным проявлениям такой толерантности необходимо перевести в плоскость деятельности образовательных организаций региона для создания превентивных мер формирования искажения социальных ориентиров молодых людей.

Ключевые слова: ценности молодежи, религиозность молодежи, толерантность молодежи, ксенофобия среди молодежи.

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» на 2017 год, проект №28.7195.2017/БЧ «Риски и тренды самосохранительного поведения населения центральных регионов Российской Федерации».

VALUES PROVINCIAL YOUTH¹

Abstract. The article presents an overview of the indicators of sociological regional studies, which provides insights into the value and moral orientations of provincial youth. The hierarchy of her life values, attitude to the family, religion, law are considered. The dynamics show patriotic attitudes of young people. Particular attention is paid to xenophobia among young people. The obtained data of mass surveys of youth in the region make it possible to make a long-term forecast for the transformation of the future portrait of a regional resident. As the basic value orientations of the young generation, individualism, orientation to a classical family with one child, respectful attitude to religious culture is established. Despite the general positive context of the research data, both «positive» and «negative» tolerance of youth in the region are noted. On the one hand, it tolerates representatives of another religion, not against multi-confessional marriages, manifestations of xenophobic attitudes do not exceed 15%, in principle, is focused on compliance with laws. But, on the other hand – it easily refers to the change of religion and religion in general, finds excuses for national hostility, excuses itself for deviating from the accepted norms. Attention to negative manifestations of such tolerance must be translated into the activities of educational organizations in the region to create preventive measures to distort the social orientations of young people.

Keywords: values of youth, religious youth, tolerance of youth, xenophobia among young people.

Молодежь, являясь отражением государственной системы образования и воспитания, представляя будущее страны, а, по большому счету, ее активное настоящее, формирует тот человеческий капитал, который способен как сохранить стратегическую линию развития территории, так и развернуть ее вектор кардинально. Как понять, что мы можем получить через несколько

¹ The study was commissioned within a state task to Belgorod State National Research University for 2017, Project No. 28.7195.2017/BCh «Risks and Trends of Self-preserving Behavior of the Population of the Central Regions of the Russian Federation».

лет от сегодняшнего молодого поколения? Жизненные стратегии и ценностные диспозиции молодежи – вот те системы измерений, способные при должной аналитике вывести формулу будущего страны. Подтверждение не только этим словам, но и в целом актуальности и жизненной важности исследований в этом направлении мы находим в статьях Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова [1, 2].

Проблеме ценностей, а также их формированию у молодёжи, представляющего собой важную социальную группу общества, посвящены исследования таких российских авторов, как А.Ш. Агаевой [3], Л.А. Василенко [4], В.И. Добрыниной [5], И.М. Ильинского [6], С.Д. Лебедева [7], Б.А. Ручкина [8], Е.М. Фещенко [9], А.А. Шабуновой [10]; И.С. Шаповаловой [11] и др.

Сегодня мы представляем Вашему вниманию сводный анализ ценностных диспозиций и моральных границ молодого человека российской провинции. Все черты собраны на основе региональных социологических исследований 2016 года, в которых участвовали от 600 до 3000 молодых людей из 22 городов и поселений Белгородской области¹.

В ранжировании жизненно важных ценностей главным для себя в жизни молодые люди определяют здоровье, семью, деньги, карьеру (рис. 1). Такая конфигурация ценностных смыслов показывает практическое отсутствие общественных ценностей, и даже ценность веры и религии находится на последнем месте (ее выбирают всего 2,9%). Желание стать хорошим специалистом интересует всего 10,1% молодежи, как, впрочем, и любовь, и реализация своего таланта (10,1% и 10,3%). Чуть выше ценить молодежь хорошее образование (12,7%), свободу и независимость (12,5%).

¹ В качестве материалов для написания статьи использовались материалы региональных исследований Белгородской области, проведенных Центром социологических исследований (рук. Шаповалова И.С.) Белгородского государственного национального исследовательского университета: «Вовлеченность молодежи в проблемы экстремизма» (2016 г. – N=3064; 2017 г. – N=3124); «Ценностные ориентации региональной молодежи» (2016 г. – N=624); «Жизненные стратегии молодежи региона» (2016 г. – N=600).

Рис. 1. Ранжирование ценностей в ответах молодых белгородцев.

Возможность достижения своих жизненных целей, обозначенных выше, молодежь преимущественно видит в личных усилиях и собственной активности, готова брать все в свои руки – 56,3%.

Хотя локус внутреннего контроля на первый взгляд превалирует в выборе источника активности, стоит обратить внимание на консолидированную оценку внешних субъектов жизненного продвижения, по мнению молодых людей. Она составляет 37,5% – более 1/3 опрошенных ожидают помощи от семьи, государства, случая (рис. 2).

Рисуя портрет молодого белгородца, нам показалось немаловажным дать черты, характеризующие, его отношение к семье и вере.

Как оказалось, более половины региональной молодежи по-прежнему планируют всего 1 ребенка (61,7%), хотя треть уже ориентируется на двух детей в семье (29,4%). Многодетность же практически не предусматривается молодыми людьми (5,7%) (рис. 3).

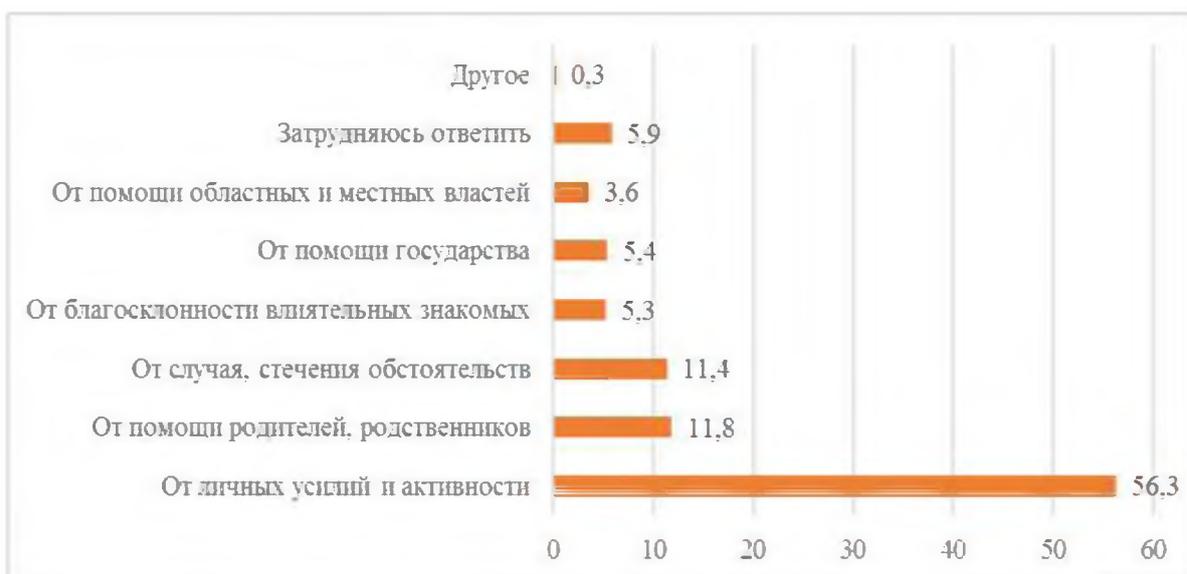

Рис. 2. Ответы молодежи Белгородской области на вопрос: «От чего зависит достижение жизненных целей?».

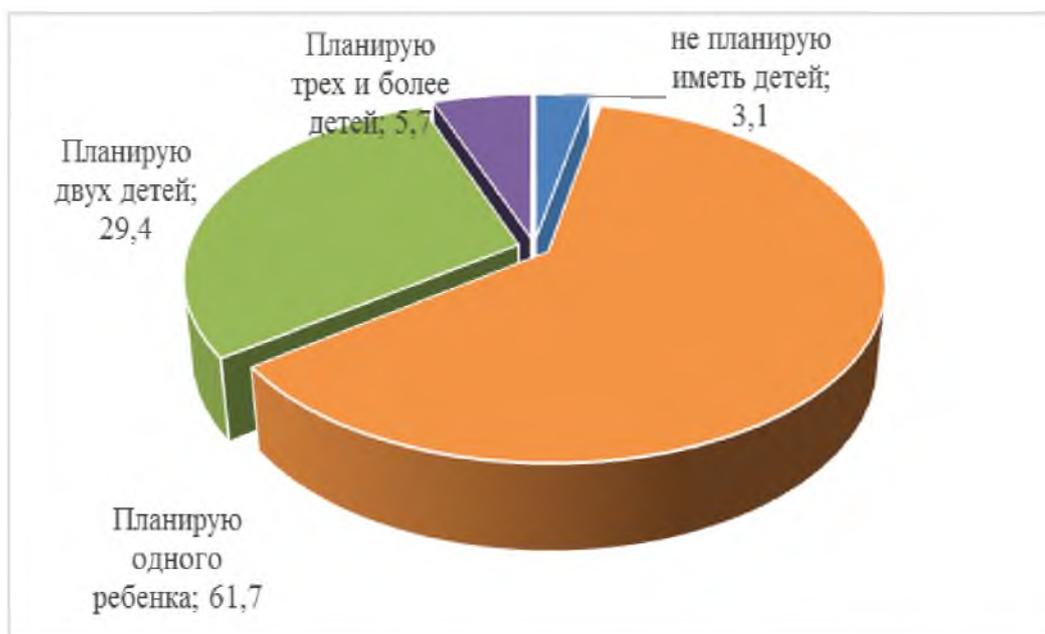

Рис. 3. Планируемое количество детей в будущих семьях молодых белгородцев.

В основе создания семьи романтически настроенные белгородцы видят конечно любовь (55,3%), но допускают и общие интересы (18,1%).

На первое место причин, о которые может разбиться лодка семьи, молодежь ставит вредные привычки супруга (38,9%), на второе – измены (30,8%), с большим отрывом идет третий повод расторжения брака – это несходство во взглядах и вкусах семейной пары (13,8%). Не избежали мы и во-

проса об оценке модной сейчас тенденции к легитимизации однополых браков.

Допустимость таких браков для молодежи региона равна 0. Категорически против таких браков высказались абсолютное большинство опрошенных (86,2%), а 9,0% отослали возможность таких браков для Запада.

Говоря о моральных границах, стоит отметить, что основным регулятором поведения нашей молодежи является совесть (67,1%), закон (56,4%), личные интересы и представление о допустимом поведении (49,2%). Несколько менее значимы нормы референтных групп. На последнем месте, к сожалению, стоит религия, как регулятор поведения ее определяют всего 10,2% опрошенных (рис. 4).

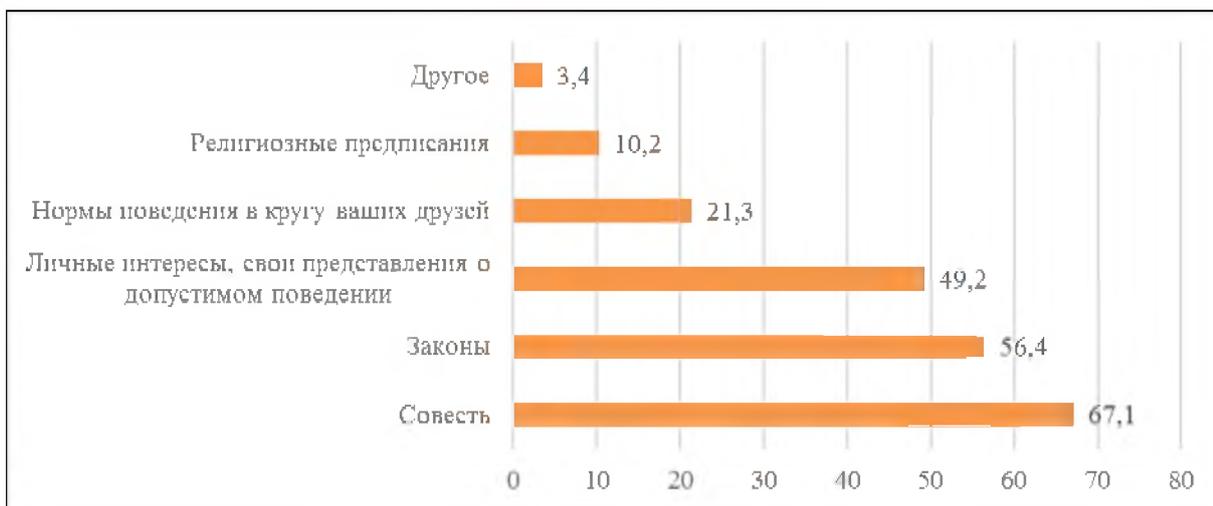

Рис. 4. Регуляторы поведения молодежи.

Но, несмотря на это, верят в Бога 65,1% опрошенных, допускают его существования 15,1%, не верят 14,5%, к атеистам причисляют себя 5,3% (рис. 5). Но эта вера носит скорее архетипический характер, не формируя нормативной ауры, если только она не совпадает с культурой личности и ее моральным обликом. Так, регулярно посещают Храм только 15,1% (никогда 30,2%), совершают молитвы 17,2% (никогда 51,2%), исповедуются 7,2% (никогда 64,7%), читают религиозную литературу 6,8% (никогда 63,3%), соблюдают религиозные посты 13,2% (никогда 58,5%).

Эта вера, однако, позволяет нашей молодежи оставаться в большинстве своем конфессионально толерантными – так, невозможность заключения брачного союза с представителем другой веры выбрали для себя менее 30%. Остальная же часть опрошенных определила для себя возможность такого брачного союза, высказывая либо безразличие к этому вопросу (23,6%), либо некоторые условия (например, требование к определенной религии супруга (18,6%), или требование своей конфессиональной неприкосновенности (16,2%)).

Следует отметить, что белгородская молодежь формирует две группы, практически равнозначных по численности: те, для кого религия значима, в той или иной степени (42,9%), и тех, для кого она не имеет особого значения (37,4%).

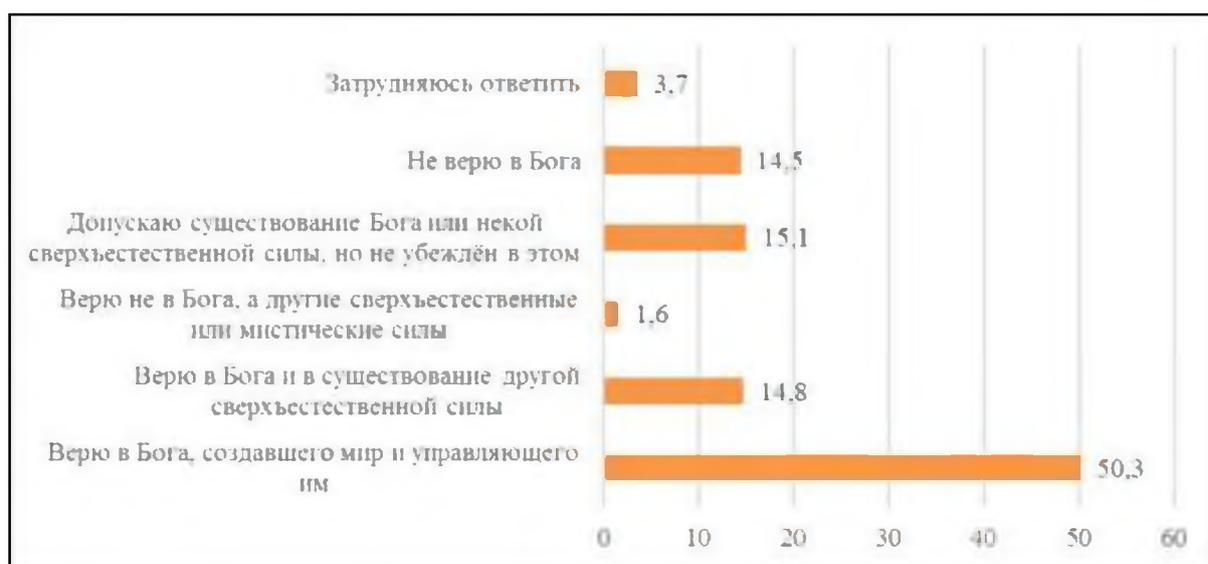

Рис. 5. Ответы белгородской молодежи на вопрос: «Верите ли Вы в Бога?».

Такая ситуация сохраняется на протяжении многих лет – для сравнения, в 2015 году эти группы имели совершенно одинаковое количество человек (44,48% на 44,13%) (рис. 6).

Одним из показателей социальной безопасности, косвенным индикатором вовлеченности в религиозный экстремизм, моральной устойчивости общества, является количество людей, меняющих или желающих сменить свое вероиспо-

ведение. Большинство респондентов не согласились бы сделать это ни при каких обстоятельствах (61,0%) – но это большинство не является абсолютным. Помимо 8,2% способных на такой шаг и 3,4% думающих о принятии такого решения, настораживает довольно значительная группа молодых людей, затруднившихся ответить на этот вопрос (27,4%) (рис. 6).

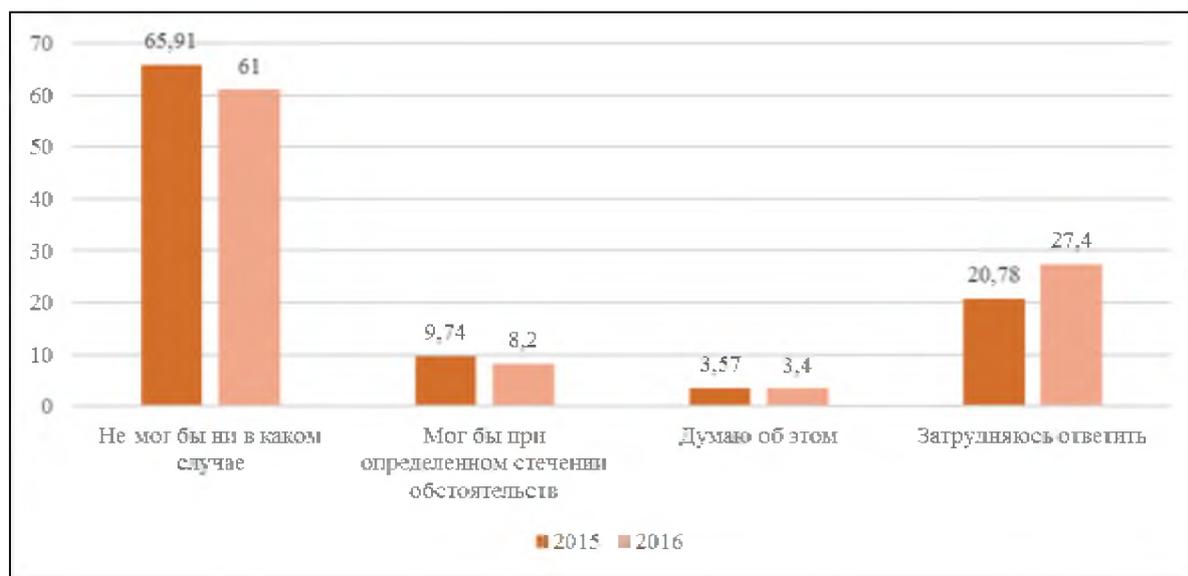

Рис. 6. Ответы респондентов на вопрос «Могли бы Вы принять другое вероисповедание?».

В совокупности с данными предыдущего вопроса, возможно мы говорим сейчас об отказе от устойчивой религиозной идентичности и о формировании конфессиональной свободы и мобильности. Ответить на этот вопрос помогут причины возможной смены религии, указанные молодыми респондентами. Так, в тройку основных причин определены большая информативность другой религии (17,4%), соответствие принципам справедливости (16,1%), разочарование в своей религии (11,0%). Нельзя сбрасывать со счетов и оставшиеся позиции – перспективность и массовость другой религии (7,9%) и коммуникационный аспект с референтной группой (5,4%). И, конечно, все тот же, «таинственный выбор» – затрудняюсь ответить (42,3%). Что стоит за ним? Все что угодно, в том числе и те причины, по которым к этому вопросу проявляют повышенное внимание службы безопасности (рис. 7).

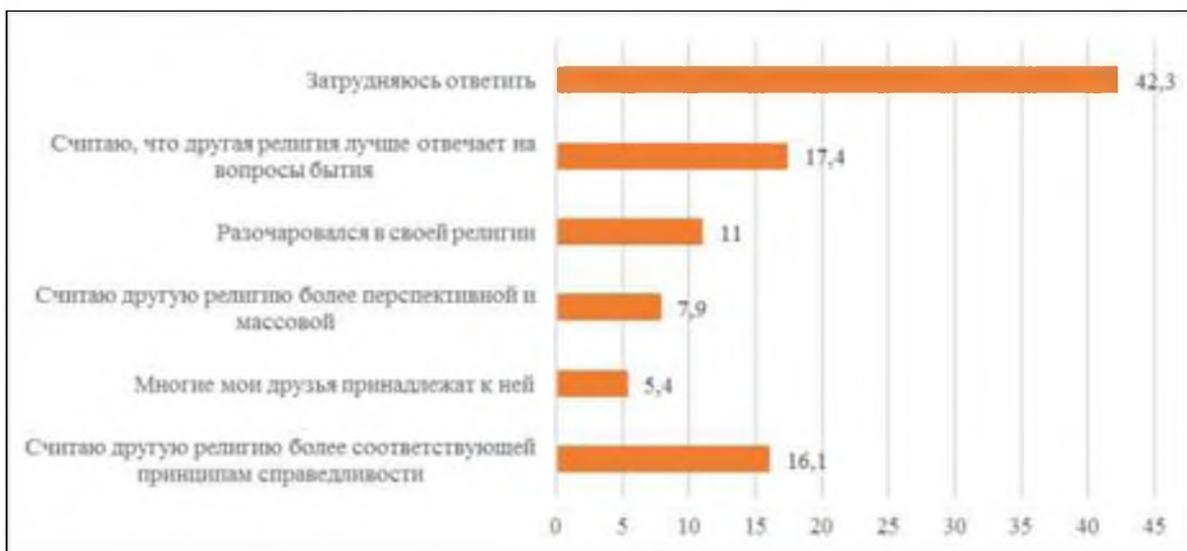

Рис. 7. Ответы респондентов на вопрос «Если Вы считаете возможным смену религии, то в силу каких причин?».

Следует отметить смену ранга у причин религиозной мобильности молодежи – так в 2015 году на первом месте была справедливость, которую дает другая религия (25,0%), на втором информативность (20,0%) и на третьем – разочарование в религии (17,5%). А вот такие причины, как перспективность, массовость и выбор друзей – вообще не упоминались.

Несколько слов к ценностному портрету добавим о законопослушании региональной молодежи. Как мы уже говорили, после совести, закон является мощным нормативным регулятором поведения молодых людей. 61,4% опрошенных всегда стараются соблюдать закон. Не считают законы чем-то ограничивающим 14,5% – они готовы нарушить их, если будет возможность остаться безнаказанными.

В России сейчас очень актуальна проблема общественной солидарности, и в нашем исследовании она дополнительно раскрывается в той безучастности, с которой наша молодежь относится к правонарушениям. Став свидетелем правонарушения, большинство даже не подумают обратиться в полицию (30,8%). Только 7,4% будут пытаться вмешаться, 33,1% поведут себя по ситуации. Информировать полицию будут 26,4% (рис. 8).

Рис. 8. Ответы белгородской молодежи на вопрос: «Надо ли соблюдать Закон?».

Как родителям и просто взрослым людям, нам хочется, чтобы наша молодежь была успешной. Но, мы понимаем, что понятия успешности для нас и для наших детей могут сильно отличаться. Именно поэтому нам важно понимать систему координат нашей молодежи, чтобы определить потом ее самооценку и сравнить с собственной оценкой действительности. Для белгородской молодежи успех – это прежде всего достижение цели (45%), но признание общества также важно (28%), как, впрочем, и семья (25%) (рис. 9). И самооценка молодежи по вопросу успешности весьма оптимистична – в той или иной степени ощущают себя успешным человеком 62,4% опрошенных.

Рис. 9. Ответы белгородской молодежи на вопрос: «Что для Вас означает Успех?».

Менее 20% считают себя скорее неуспешными на данный момент. Характеризуя успешного человека, на первое место молодежь поставила такое качество как целеустремленность (93,8%). Большинство признало значимость

уверенности и решительности (по 68,8%), трудоспособности (56,3%), терпения (43,8%). Верхние ранги заняли деятельные качества – и это не может не радовать – успех приходит в результате упорного труда, что отображается в молодежном сознании. Но достаточно высокий уровень выбора получила такие качества как коммуникабельность и доброжелательность – по 37,5%. Таким образом, успешный человек не просто деятельный в жизни, но и социальный, приятный для людей. Странно, но по мнению молодежи, не актуальна для успешного человека инициативность (18,8%), совсем не в чести красноречие (6,3%) и отсутствует организованность.

Успех конечно желателен для молодых людей, но нельзя сказать, что он кружит им головы. Так, большинство респондентов пожертвуют ради него только своим временем.

Касаясь злободневного вопроса о гендерном равенстве, молодежь российской провинции избегает однозначного ответа, но при этом в большинстве считает, что более успешными по жизни являются скорее мужчины (54,3%). Обратного мнения придерживаются всего 5,7% опрошенных, это при том, что в исследовании приняло участие примерно одинаковое количество как женщин, так и мужчин.

Обратимся к злободневной теме нашего времени – ксенофобии. Несмотря на «взрослость» проблемы и собственно ассоциальных практик следующим за этим явлением экстремизма, все чаще мы говорим о профилактике вовлечения в них молодого поколения. Как же они сами соотносят себя с этим явлением?

Исследуя отношение белгородской молодежи к экстремизму и его проявлениям, в первую очередь хотелось обратиться к показателям патриотизма среди молодых граждан. Проведя анализ гражданской самоидентификации, можно отметить факт того, что большинство опрошенных считают себя патриотом России (75,0%). Небольшой процент выразили однозначно отрицательную позицию по этому вопросу (8,4%) и несколько настораживает количество неопределившихся – 16,7%. По сравнению с 2015 годом мы можем

наблюдать в этом вопросе небольшую отрицательную динамику, которая становится заметной только в анализе данных за трехлетний период и выражается практически в 5% колебаниях. Это может быть связано с уменьшением силы влияния «больших продвижений России» (Крым, Сирия и т.д.) и пока это снижение не предоставляет причин для беспокойства, так как количество, считающих себя не патриотами не растет. Более подробно эти исследования освещены в статьях И.С. Шаповаловой [11, 12].

Одновременно с этим, однозначную важность национальной принадлежности отмечают для себя 16,1%. В совокупности с группой выбирающих ответ «скорее значима, чем незначима» важность вопроса национальной принадлежности подчеркивают 50,0% опрошенных. Открытость и нейтралитет по отношению к своей национальности показывают совокупно 39,5% опрошенных. Положительный сдвиг по отношению к 2016 году наметился в ответе на вопрос о превосходстве национальностей – уменьшилось количество молодых людей, допускающих такое превосходство (с 8,7% до 5,5%). Однозначный ответ равенства национальностей дают нам 43,0%, что на 6,3% больше, чем в 2016 году.

Реакцию на «иных» людей, отличных от опрошенных респондентов в вопросах религии, национальности, расы, можно обозначить как достаточно толерантную: так 31,8% не чувствуют никакого дискомфорта при столкновении с отличными от привычного образа людьми, 53,0% – замечают их присутствие, но не выражают беспокойства. Положительный ответ «проявляю интерес» выбрали 7,7%. Отрицательная реакция наблюдается только у 2,6% молодежи, которой не нравятся представители иных народов и национальностей, но рефлексия не позволит им выказать свое реальное отношение, и у 1,4% респондентов, относящихся к этой категории с опаской. Всего 1 человек не собирается скрывать своего негативного отношения. Для сравнения с 2016 годом, можем сказать, что негативные выборы уменьшились примерно в половину.

Социальными маркерами, позволяющими измерить толерантность по отношению к другой национальности стали вопросы о значимости цвета кожи и разговора на ином языке. 10,2% респондентов ответили, что испытывают чувство неприязни по отношению к явным расовым отличиям. 80,4% показали отсутствие таковых реакций и 9,4% затруднились ответить однозначно. Аудальный раздражитель, иной язык в пределах слышимости, срабатывает как социальный маркер нонтолерантности для 3,8% опрошенных – они испытывают раздражение и неприязнь. Понятный в этой ситуации интерес указали 40,4% опрошенных, нейтральную реакцию отметили 39,3%. Несколько потенциально небезопасной выглядит группа студентов, сделавшая акцент на том, что важно понимать – чей это язык (10,3%). Таким образом, можно сказать, что, если носитель языка будет относиться к некоторой определенной группе, он может вызвать агрессивную или неприязненную реакцию. Надо отметить, что ксенофобные установки у молодежи немного снизились по сравнению с 2016 годом – так в 2016 они составляют 18,5, а в 2017 – 14,1, для сравнения в 2013 году – 34,3%.

Более трети опрошенных отмечают группы национальностей, с которыми они не хотели бы иметь дело. При этом, отвечая на вопрос об их наличии, положительный ответ дают 14,4% опрошенных студентов (в 2016 г. эта группа включала 22%, в 2013 – целых 38,31%), но группа не определившихся составляет 24,5%. Таким образом, потенциально можно говорить о 40% респондентов, имеющих адресный негатив ксенофобии. Но для сравнения, эта группа в 2016 году составляла 46,3%, а еще три года назад – даже 65,49%. Положительная динамика в этом вопросе сохраняется. Адресность ксенофобных реакций локализовано преимущественно в зоне кавказских национальностей, выходцев из арабских стран и представителей цыганской группы.

Причину таких реакций на представителей других национальностей респонденты объясняют, в основном, различие культур (8,7%), возможной агрессивностью представителей иного народа (8,3%). В качестве весомых

причин также указывается нежелание считаться с принятыми нормами (7,2%), стремление установить свои правила и порядки (5,7%).

Дальнейшая маркировка ксенофобных тенденций показала, что при переходе к межличностным коммуникациям негативные тенденции существенно уменьшаются, что еще раз доказывает необходимость создания инклюзивной, открытой среды, смешанных групп, ситуаций взаимодействия в молодежной среде. Так, однозначное влияние национальности в личностном общении отмечают всего 1,6% опрошенных и 2,3% продолжают придерживаться адресности национальности. 51,0% отрицают такое влияние, 25,9% говорят о значимости личностных качеств, 12,8% значимости ситуации общения.

Мы осветили лишь немногие из исследований, позволяющие увидеть некоторые ценностные и моральные ориентиры современной молодежи российской провинции. Можем ли мы высказать некоторые представления о будущем региона, исходя из полученных показателей? Наверное, с уверенностью можно сказать, что пока парадигма индивидуализма, несмотря на растущий патриотизм последней пяти лет, не сменится настроем молодежи на общественные и национальные ценности. Более того, несмотря на высокий накал патриотических настроений, на данный момент они не безусловны, а зависят от активности и популярности внешнеполитических действий.

Стоит отметить, что демографический взрыв не грозит Белгородской области, но прочность браков будет расти (возможно будет уменьшаться количество разводов), и, скорее всего, регион сможет избежать стремительной американизации и европеизации в отношении периода брачного возраста (об этом свидетельствуют причины вступления в брак и причины его расторжения, указанные молодыми людьми), не говоря уже о приверженности его жителей классической модели семьи.

Религия, в ближайшем поколенческом периоде, не будет являться жизнеопределяющим ориентиром региона, но ее значение в историческом и культурном плане будет усиливаться, хотя активного процесса воцерковления не стоит ожидать. Возможно, проявленная религиозная толерантность,

будет способствовать изменению статистической картины конфессионального распределения в регионе, можно прогнозировать увеличение количества мультиконфессиональных семей, религиозной мобильности.

Безусловно радует прогноз о низком уровне экстремистских проявлений, нехарактерной явной ксенофобии для региона. Существует некоторая обособленность от «мнимого» национального врага, которая нивелируется при более близком знакомстве с культурой других национальностей.

Подтверждением положительного прогноза относительно будущего обследуемого региона служит положительная динамика по всем индикаторам возможной социальной напряженности. Возможно, что указанные позитивные тенденции станут основой семейного воспитания следующего поколения, а эволюционные стратегические сдвиги будут уже заложены в будущую молодежь посредством образовательных региональных систем.

Литература

1. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый Хронограф, 2017. – С. 12 – 48.
2. Зубок Ю.А. Традиционное и современное в социально-политических идентификациях молодежи // Власть. – 2014. – № 11. – С. 39 – 43.
3. Агаева А.Ш. Ценностные ориентации российской молодёжи. – М.: Наука, 2010. – 201 с.
4. Василенко Л.А. Современная семья в контексте трансформации семейных норм и ценностей // Вестник Мордовского университета. – 2010. – № 2. – С. 154 – 160.
5. Добрынина В.И. Культурные миры молодых россиян: три жизненные ситуации. – М.: Мысль, 2010. – 367 с.
6. Ильинский И.М. Молодёжь в контексте глобальных процессов развития мирового сообщества // Молодежь и общество на рубеже веков. – М.: Наука, 2010. – 345 с.
7. Лебедев С.Д. Отношение учащейся молодёжи к религии как фактор воспроизводства религиозности // Социологические исследования. – 2007. – № 7. – С. 134 – 155.

8. Ручкин Б.А. Молодёжь и становление новой России // Социологические исследования. – 2010. – № 8. – С. 37 – 44.

9. Фещенко Е.М., Кузнецова Е.В. Проблема формирования ценностей современной молодёжи // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2013. – № 11. – С. 22 – 26.

10. Шабунова А.А. О социальной активности и ценностях молодёжи // Проблемы развития территории. – 2013. – № 2 (64). – С. 7 – 11.

11. Шаповалова И.С. Социологические маркеры и социологическая оптика в исследовании социокультурных феноменов // Социология религии в обществе позднего модерна: сборник статей по материалам IV Международной научной конференции. – 2014. – С. 113 – 21.

12. Шаповалова И.С. Патриотические установки региональной молодежи // Вестник педагогических инноваций. – 2016. – № 4 (44). – С. 47 – 54.